

«В суверенном государстве гражданин может наконец осуществить свою волю. Досуг, безопасность, демократия... начало свободного бытия». Когда так вот, переплетая суверенитет с демократией, рассуждает европеец Эммануэль Левинас, оно простиительно. Когда то же говорит Владислав Сурков, его адресация России отвергается: «Нет уж. Либо демократия, либо суверенитет!»

Кроме невыносимости факта, что государственный чин вслух размышляет о высоком (Хавьеру Солане – этому можно), москвичу обидно сознаться: Сурков первым догадался обсуждать политику, основанную на демократических ценностях. Тем самым он первым у нас открыл публичные дебаты европейского образца о национальном строительстве и демократии. До него Россия, единственная в Европе, не принимала участия в европейских дискуссиях о новой политике демократии. Мы пропустили все интересное: спор о дефиците демократии и ее коммуникативном переопределении Юргеном Хабермасом, о европейской политике памяти и Холокосте, о европейской идентичности в ее взаимодействии с суверенитетом... Мимо русского уха пролетели принципиальные оговорки Конституционного суда ФРГ 1992 года при вступлении Германии в Евросоюз: *«Принцип демократии был бы недопустимо выхолощен, если бы исполнение государственных полномочий нельзя было связать с относительно гомогенным государственнообразующим народом... Демократически легитимная власть исходит от народа, который тем самым артикулирует свою суверенную национальную идентичность»*. И это тоже Сурков?

Эссе-рецензия Вадима Цымбурского на концепцию Владислава Суркова, разумеется, шире простого отклика на книгу последнего «Тексты», вышедшую приложением к прошлому номеру «Русского журнала». «Признание» – по тонкому замечанию Цымбурского – решающее для суверенитета, имеет и латинистские пароли: легитимность и толерантность к чужому (самозаконному). Толерантность считается неотделимой от либерального порядка в принципе. Но многие ли задумываются о связи толерантности с суверенитетом? Майкл Уолтцер мимоходом заметил: *«Суверенитет дает членство в международном сообществе – самом толерантном из всех сообществ. ...Толерантность является неотъемлемой чертой суверенитета и одним из важных оснований его желательности»*.

Теперь мы кое-что знаем о том, как выглядит мировой режим «ограниченной толерантности», установленный Америкой Буша-младшего – лига демократий минус суверенитет. Выживание демократии в России нуждается прежде всего **в толерантном суверенном режиме – глобальном** режиме суверенных наций. Принцип такого режима заложен и в философию ООН.

Вадим Цымбурский верно схватил важную черту суверенитета – склонность к идеализации независимости, так странно родственную столь же идеализируемой свободе (русское «воля» – объединяет оба смысла). Суверенная запальчивость русских – от пушкинской «независимости семейственной» до антиимперского жеста, часто жертвенного. Настаивая на праве распоряжаться собственной жизнью, даже если та кому-то «нужна» из высших соображений. Здесь и начало российской демократии.

Глеб Павловский